

На правах рукописи

ШУТОВА Татьяна Игоревна

**ДИСКУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ
В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ (1972 – 2012гг.)**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2018

Работа выполнена на кафедре английской филологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный

доктор филологических наук, профессор

руководитель

ГРИЦЕНКО Елена Сергеевна

Официальные

доктор филологических наук, профессор

оппоненты:

КИРИЛИНА Алла Викторовна,

проректор по научной работе, образовательное частное учреждение высшего образования «Московская международная академия»

доктор филологических наук, профессор

ШУСТРОВА Елизавета Владимировна,

кафедра английского языка, методики и переводоведения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Ведущая

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный

организация:

социально-педагогический университет»

Защита состоится «12» декабря 2018 г. в 15 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.163.01 при ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, III корп., конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научном читальном зале библиотеки Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а).

Текст автореферата размещен на сайтах ВАК Министерства науки и высшего образования РФ <http://vak.ed.gov.ru> и ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» <http://www.lunn.ru>

Автореферат разослан « » сентября 2018 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.Н.Аверкина

Общая характеристика диссертации

Реферируемая диссертация посвящена изучению языковой динамики одного из основных глобальных дискурсов современности – дискурса противодействия терроризму – в контексте идеологических, социально-экономических и социокультурных трансформаций второй половины XX – начала XXI вв.

Работа выполнена в русле социоконструктивистской парадигмы и основана на понимании языка как дискурса и социальной практики. Дискурс противодействия терроризму понимается в работе как «коммуникативно-прагматическая стратегия», представленная в текстах разных жанров, целью которой является формирование и трансляция характерных для официальной американской политической риторики взглядов, касающихся феномена терроризма и борьбы с ним.

Анализ дискурса признаётся одной из наиболее динамично развивающихся областей современной отечественной и зарубежной гуманитарной науки. Основными направлениями исследования дискурса за рубежом являются критический дискурс-анализ (Н. Файерклаф), исторический дискурс-анализ (Р. Водак) и социально-когнитивный подход (Т. ван Дейк). В отечественной дискурсологии широкую известность получили труды В.И. Карасика, Е.И. Шейгал, В.Е. Чернявской; вопросы глобализации дискурсивных практик и роли английского языка в глобальных дискурсивных процессах рассматриваются в работах А.В. Кирилиной и Е.С. Гриценко, метафорика и креолизация политического дискурса анализируются А.П. Чудиновым и Е.В. Шустровой.

В последние годы в зарубежном дискурс-анализе растёт число работ с использованием инструментария корпусной лингвистики. Данное направление в англоязычной лингвистической науке именуется по-разному: CADS (corpus-assisted discourse studies), corpus-informed discourse studies, corpus-based discourse analysis и др. (П.Бейкер, Т.МакЭнери, К.Габриэллатос, С.Ханстон, А.Партигтон, Г.Маутнер и др.). Данное направление пока не получило широкого распространения в отечественной лингвистике.

Объектом исследования в диссертации является американский дискурс противодействия терроризму, представленный специально составленным корпусом текстов, в который вошли выступления американских политиков и официальные документы периода 1972 – 2012 гг.

Предметом изучения являются языковые аспекты эволюции рассматриваемого дискурса на примере трёх ключевых концептов – *democracy*, *world* и *terrorist*.

Актуальность исследования обусловлена его включённостью в парадигму современного дискурс-анализа как одного из магистральных направлений развития науки о языке и связана с необходимостью расширения исследовательского инструментария дискурс-анализа, установкой на экспликацию дискурсивных смыслов и схем, отражающих интересы участников политического процесса. В содержательном аспекте актуальность диссертационного исследования обусловлена обращением к языковому воплощению политики противодействия терроризму, угроза которого осознаётся человечеством как глобальная проблема XXI века.

Материалом исследования послужил специально составленный корпус текстов объёмом около 730 тысяч слов, который включает доклады, интервью, обращения, постановления и т.д. первых лиц США (президентов, госсекретарей, министров обороны, сотрудников ЦРУ, представителей дипломатического корпуса), посвящённые проблемам терроризма и противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 годы, а также – для отдельных фрагментов исследования – *The Corpus of Contemporary American English (COCA)* и корпус двух энциклопедических словарей по тематике терроризма: *The Historical Dictionary of Terrorism* и *Dictionary of Terrorism*.

Выбор в качестве материала исследования официальных документов, заявлений и выступлений не случаен. Линия борьбы с терроризмом, проводимая исполнительной властью в США, имеет определяющее

значение благодаря институциональной власти президента. Исполнительная власть имеет постоянный контроль над информацией о сути террористических угроз и определяет официальную реакцию государства на эти угрозы. Таким образом, институционально закреплённая власть президента над дискурсом о терроризме и возможность создавать повестку дня по данной теме для общественности, науки и СМИ обуславливают важнейшую роль включённых в корпус документов для изучения особенностей рассматриваемого феномена в американской лингвокультуре [Winkler 2006: 4]. Сказанным объясняется **выбор темы исследования.**

Цель диссертационного исследования – выявление динамики ключевых концептов американского дискурса противодействия терроризму с использованием методов корпусно ориентированного дискурс-анализа.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- раскрыть особенности корпусно ориентированного дискурс-анализа и обосновать перспективность его применения для решения поставленных в исследовании задач;

- описать основные направления изучения дискурса о терроризме в отечественной и зарубежной гуманитарной науке;

- составить корпус текстов американских политических деятелей и официальных лиц, обращавшихся к теме противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 годы, для дальнейшего анализа;

- обосновать выбор ключевых концептов американского дискурса противодействия терроризму;

- разработать и апробировать методику анализа эволюции рассматриваемого дискурса на примере отобранных ключевых концептов с использованием методов корпусной лингвистики;

- выявить особенности эволюции понятий *terrorism, democracy, world* и раскрыть особенности дискурса о терроризме в аспекте метафорики и номинативной стратегии;

- охарактеризовать американский дискурс войны с терроризмом как основу глобального дискурса противодействия терроризму.

Основным **методом**, используемым в диссертационной работе, является метод корпусно ориентированного дискурс-анализа. На определённых этапах применялись также методы дефиниционного анализа, количественного анализа, контекстуального анализа и семантической интерпретации.

Теоретическую основу диссертационного исследования составило понимание языка (дискурса) как социальной практики и средства конструирования социального мира (Н.Файерклаф, Т. ван Дейк, Р.Водак, В.И.Карасик, А.В.Кирилина, Е.С.Гриценко). В работе также использовались методологические подходы, предложенные в работах, посвящённых различным аспектам дискурса войны с терроризмом (труды А.Ходжеса, Ч.Найлепа, Р.Джексона, К.Уинклер, А.Спенсера, Д.А.Журавлёва, К.Г.Мальцева и др.). Методика составления корпуса и принципы практического применения инструментов корпусной лингвистики для целей диссертационного исследования разрабатывались с опорой на труды П.Бейкера, Т.МакЭнери, К.Габриэлатоса, С.Ханстон, А.Партигтона.

В результате исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **теоретические положения**:

1. В современном мире особую важность приобретают методы анализа политического дискурса, использующие конкретный лингвистический инструментарий для подтверждения интуитивно ощущаемых тенденций. Методы корпусно ориентированного дискурс-анализа (рейтинг частотности, неслучайная сочетаемость, ключевые слова и др.) позволяют объективировать концептуальную динамику

дискурсивных феноменов, выявить особенности их содержательного наполнения, которое может отличаться от смыслового объема соответствующих слов в референциальном (общенациональном) корпусе.

2. Специфику американского дискурса противодействия терроризму определяет содержательное наполнение его ключевых концептов; она проявляется в особенностях позиционирования США на мировой арене, в метафорическом осмыслении форм и методов борьбы с терроризмом, способах лексической номинации террористических актов и угроз.

3. Концептуальная динамика демократии (*democracy*) как одной из смысловых доминант анализируемого дискурса заключается в расширении географии и изменении статуса данного явления. Демократия становится дискурсивным антиподом терроризма, позиционируется как цель и способ борьбы с ним. Феномен демократии перестает ассоциироваться исключительно с западным миром и регулярно появляется в контекстах, связанных с Ближним Востоком.

4. Мир (*world*) в американском дискурсе противодействия терроризму нестабилен, подвержен разного рода угрозам. Он делится на «цивилизованный» (западный) мир и «мусульманский» мир, которые являются антиподами. Отмечена выраженная динамика в дискурсивном позиционировании США: если в 1970-1980 гг. Соединённые Штаты позиционировались как составная часть мира, то в 2000-х гг. отмечена тенденция репрезентации США и мира как равностатусных величин.

5. Фигура террориста (*terrorist*) в изучаемом типе дискурса является гендерно-нейтральной, обобщённой и обезличенной, что позволяет говорить о дегуманизации. При этом если для периода 1972 – 1993 гг. характерна акцентуация политических мотивов террористов, диверсификация их национальной и региональной принадлежности, то после событий 11 сентября 2001 г. террорист в американской

политической риторике позиционируется в первую очередь как представитель мусульманского мира и (или) выходец с Ближнего Востока.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые на материале хронологически структурированного массива тематически соотнесённых текстов раскрыта дискурсивная динамика понятий *democracy, world, terrorist* с применением методов корпусной лингвистики. Новой является разработанная и апробированная в диссертации комплексная методика, сочетающая элементы (критического) дискурс-анализа и корпусной лингвистики.

Теоретическая значимость проведённого исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие методики исследования дискурса с использованием инструментария корпусной лингвистики и углубляет представления об особенностях становления и развития дискурса противодействия терроризму в его локальном и глобальном измерениях.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты могут иметь практическое применение в политологии и журналистике. В области высшего образования материалы работы будут полезны при разработке курсов по политической лингвистике, дискурс-анализу и корпусной лингвистике.

Достоверность выводов, сделанных в работе, обеспечивается глубокой проработкой обширного теоретического материала по рассматриваемой проблематике, применением комплексной методики исследования и репрезентативным языковым материалом.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности *10.02.04 – Германские языки*:

- лексика и внеязыковая действительность,
- функционирование языковых единиц,
- выявление особенностей употребления языковых единиц,
- корпусные исследования германских языков.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования изложены в шести публикациях общим объемом 3,9 п.л. (в том числе три в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ). Содержание исследования было представлено в докладах на международных научных конференциях в Нижегородском государственном лингвистическом университете (международная научная конференция «Язык, культура и общество в современном мире», 28-30 мая 2012 г.), Казахском национальном университете («Язык и глобализация»: Международная научно-теоретическая конференция «Ахановские чтения», 17-18 мая 2013 г., г. Алматы, Казахстан), Российском университете дружбы народов («Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика»: X международный конгресс по прикладной психолингвистике, 26-29 июня 2013 г., г. Москва), Университете г. Вааса (международный симпозиум “XXXIV International VAKKI Symposium”, 13–14 февраля 2014 г., г. Вааса, Финляндия), Университете Лоранда Этвеша (международная конференция “Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines (CADAAD)”, 1-3 сентября 2014 г., г. Будапешт, Венгрия), и Университете г. Ольборг (международная конференция “1st International and Interdisciplinary Conference on Discourse and Communication in Professional Contexts” (18-21 августа 2015, г. Ольборг, Дания), а также на заседаниях кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Цель и задачи диссертации определили общую логику исследования и **структуру** работы, которая состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной научной литературы и списка интернет-ресурсов и приложений.

Во *введении* определяются объект и предмет исследования, обосновываются его актуальность и научная новизна, формулируются цель

и основные задачи, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации. *Первая глава* посвящена описанию теоретических и методологических основ диссертационного исследования, обзору научных трудов в области дискурс-анализа и корпусной лингвистики, описанию инструментов корпусно ориентированного дискурс-анализа. Во *второй главе* рассматриваются подходы к определению терроризма, анализируются лингвистические исследования терроризма и дискурса противодействия терроризму, раскрывается специфика дискурса войны с терроризмом как одного из глобальных дискурсов современности и его динамика в свете политических и идеологических трансформаций. В *третьей главе* описывается специально составленный для проведения диссертационного исследования корпус текстов, раскрывается используемая в работе методика, описывается динамика содержательного наполнения смысловых доминант американского дискурса противодействия терроризму. В *заключении* подводятся основные итоги проведённого исследования.

В *приложении* представлены материалы, которые способствуют более полному и глубокому освещению результатов работы (списки ключевых слов каждого анализируемого периода (подкорпуса), примеры коллокаций с анализируемыми понятиями и т.д.). *Библиография* представлена 117 единицами на русском и английском языках и ссылками на использованные в исследовании Интернет-ресурсы.

Содержание работы

В диссертационной работе на материале специально составленного корпуса текстов выявлена смысловая динамика трёх ключевых концептов американского дискурса противодействия терроризму (*democracy, world, terrorism*) в период с 1972 по 2012 гг. Исследование проводилось в три этапа, каждому из которых структурно соответствует одна глава.

В **первой главе** диссертации раскрывается методологическая концепция диссертационного исследования, в рамках которой

обосновывается языковая конструируемость понятий в дискурсе, обосновывается актуальность и перспективность применения корпусных методик для изучения дискурса, даётся краткий обзор базового функционала компьютерных программ, используемых для корпусного лингвистического анализа.

Понятие «дискурс» широко используется в различных направлениях современного гуманитарного знания, при этом трактуется оно неоднозначно. В *узком* смысле дискурс понимается как «речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова 2000: 136-137] (т.е. в определённую ситуацию общения [Карасик 2000: 5]) или как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определённом временном, пространственном и прочем контексте» [van Dijk 1998: 20], а в *широком* – вслед за Фуко – как форма представления знаний и как «коммуникативно-прагматическая стратегия текстообразования» (Чернявская 2001, 2002), в том числе и с идеологическими импликациями. Понятие дискурса широко представлено в исследованиях по социологии, философии, лингвистике, политологии и др. В настоящем исследовании дискурс понимается как способ организации и представления знаний о какой-либо области, явлении или событии; это некий набор мультимодальных текстов, включённых в более широкую социальную и историческую канву, одновременно являющийся носителем, ретранслятором и средством (вос)производства идей, смыслов, ценностей и интерпретаций. Объектом дискурс-анализа являются естественные дискурсивные / речевые события (диалоги, монологи, полилоги), а также различные документы, электронная переписка, тексты средств массовой коммуникации, художественной литературы и т.п.

Обращение к корпусной лингвистике в рамках анализа дискурса связано со стремлением повысить объективность анализа и достоверность его результатов. Сторонников (критического) дискурс-анализа нередко упрекают в произвольном и нерепрезентативном отборе языкового

материала с целью доказать выдвигаемый тезис. Применение корпусных методов повышает объективность анализа.

Под корпусом понимают «унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для определённых филологических и, более широко, гуманитарных изысканий» [Захаров 2003: 52]. Использование методов корпусной лингвистики в дискурс-анализе началось сравнительно недавно (см. Krishnamurthy, 1996; Stubbs, 1994), но в последнее время становится всё более популярным (Baker, 2004, 2006, 2010; Mautner, 2000 и т.д.). Перспективность корпусной методики заключается в том, что с её помощью можно определить ключевые, т.е. наиболее важные в смысловом отношении для того или иного текстового массива слова, выражения, образы и проч. Корпусный анализ выявляет то, что в текстах выражено эксплицитно (количественно), с тем, чтобы данные единицы и смысловые сегменты далее рассматривались с помощью методов дискурс-анализа путём включения рассматриваемого феномена в более широкий социальный, культурный или исторический контекст.

Сочетание дискурс-анализа и методов корпусной лингвистики в настоящей работе позволило определить «точки входа» в корпус и выявить концепты для дальнейшего анализа. Статистические методы корпусного анализа включают логарифмическое правдоподобие Даннинга (*Log Likelihood*) и индекс взаимной информации (*Mutual Information*), которые высчитывались в работе с помощью компьютерных программ для анализа корпусов *AntConc* и *kwic*.

Вторая глава работы посвящена рассмотрению эволюции понятия «терроризм» и различных подходов к его изучению, а также анализу метафоры «войны» с терроризмом и её использования в дискурсе противодействия терроризму.

В современном гуманитарном знании терроризм трактуется как социальный конструкт, опосредованный конкретными дискурсивными

практиками. Речь идёт о том, что политика противодействия терроризму основывается не столько на так называемом «объективном» знании, сколько на представлениях, сложившихся благодаря политическому, научному и медийному дискурсам: на базовом уровне практика противодействия терроризму фактически определяется (задаётся) дискурсом о борьбе с терроризмом [Jackson 2005: 8–9, цитата по Spencer 2010: 80]. В настоящей работе дискурс (противодействия терроризму) понимается как некий объём текстов разных жанров, объединённых целью формирования, закрепления и трансляции характерных для официальной американской политической риторики взглядов на феномен терроризма и способы борьбы с ним.

Многообразие форм, практик и мотивов терроризма (в историческом, политическом и социокультурном аспектах) создаёт трудности для формулировки его универсального определения. При этом весьма существенную роль играет идеологическая, интерпретативная составляющая данного понятия, когда одни и те же насильственные действия могут трактоваться разными субъектами как терроризм и как национально-освободительная борьба. В настоящее время слово «терроризм» ещё более расширило своё значение и начинает всё чаще использоваться в переносном (метафорическом) смысле в словосочетаниях с прилагательными (*Adj + terrorism*) для усиления экспрессивности соответствующих смысловых контекстов.

(Американский) дискурс борьбы с терроризмом довольно интенсивно исследовался в англоязычном гуманитарном знании (социологии, политологии) начиная с 1970х гг. В аспекте лингвистики внимание уделялось в основном президентским нарративам, стратегиям легитимации «войны с терроризмом» в новостных репортажах и исследованиям метафорического конструирования данного феномена.

В отечественном гуманитарном знании исследования дискурса войны с терроризмом также значительно более представлены в сферах

политических, юридических, социальных и философских наук, чем области лингвистики. Хедлайн-анализ статей в Научной электронной библиотеке E-library и в каталоге защищённых диссертаций на сайте www.dislib.net со словоформой *терроризм** показал, что доля собственно лингвистических работ по данной теме составляет около 1,5% среди статей в Научной электронной библиотеке и до 4,3% в каталоге защищённых диссертаций. Краткий обзор публикаций, отобранных в Научной электронной библиотеке www.elibrary.ru показал, что интерес отечественных исследователей в целом сосредоточен на изучении медийных дискурсов о терроризме и их влиянии на понимание терроризма. Довольно широко представлены работы когнитивной направленности, в частности, рассматривающие особенности репрезентации концептуальной метафоры в рассматриваемом дискурсе в аспекте противопоставления «Свой/ Я – Чужой/ Другой». Ряд работ посвящён уточнению понятий террора и/или терроризма.

Метафора «войны» признаётся многими как зарубежными, так и отечественными исследователями одной из ключевых в концептуализации борьбы с терроризмом. Словосочетание *war on terrorism*, появившееся в 1984 году, было затем использовано Дж.Бушем-мл. после событий 11 сентября 2001 года: “*Our ‘war on terror’ begins with al-Qaeda, but it does not end there. It will not end until every terrorist group of global reach has been found, stopped and defeated.*” [Alexander, Kraft 2007: 253 (I)]. Метафора «войны» стала ключевой для политической риторики США и определила предпринимаемые ими действия по борьбе с терроризмом. По мнению исследователей Штойер и Уиллис, активное использование данной метафоры обусловлено тем, что пребывание в состоянии войны вызывает определённые ассоциации и одновременно уменьшает большую абстрактную проблему до размера чётко определённого, упрощённого, персонифицированного и не представляющего больших проблем объекта. Как только противник – будь то наркотики или терроризм –

персонифицирован, метафорически превращён во что-то человекообразное, победа над врагом представляется гораздо более возможной. Помимо этого, ложная ясность метафоры войны маскирует множество сложностей борьбы с терроризмом, например, неопределённость в понимании «врага», против которого ведётся война. Исследователи справедливо подчеркивают, что в дискурсе войны с терроризмом не ясно, является ли врагом сам терроризм как социальное явление или те, кто осуществляет и планирует террористические акты. Если же война ведётся с терроризмом как явлением, то не ясно, как сражаться с абстракцией и в чём конкретно будет заключаться победа в такой гипотетической схватке [цитата по Steuer, Wills 2008: 8].

Помимо метафоры войны в публичном дискурсе США применительно к терроризму и террористам широко используются метафора болезни и стратегия дегуманизации. Отрицая наличие у террористов человеческих качеств, метафоры дегуманизации создают почву для насильственных действий в отношении них и когнитивную рамку для конструирования образа врага. Образы нашествия паразитов опосредуют беспощадное истребление как единственно возможное решение проблемы.

Ещё одним важным смысловым аспектом метафоры войны является присущее ей внутреннее самооправдание. Метафора войны конструирует ситуацию, когда насильственные действия в отношении террористов оправданны и по сути неизбежны. Этот подход предполагает, что США ведут войну с терроризмом, поскольку изначально эта война была объявлена им. Нарратив войны создаёт в сознании общества картину, в рамках которой американские общество и культура находятся под угрозой нападения со стороны группировки, угрожающей американским идеалам и ценностям. Такой идеологический дискурс заставляет рядовых граждан принять «взгляд» власти и даёт импульс культурному противостоянию [Winkler 2006: 15 – 16]. Роль «врага» в данном сценарии, как правило,

детерминирована религиозно-культурным компонентом: феномен терроризма устойчиво соотносится с мусульманским фундаментализмом и радикализмом. Помимо этого, метафора войны отрицает любую возможность защиты страны невоенным путем.

Примечательно, что Б. Обама довольно редко использовал метафору войны с терроризмом, а в марте 2009 года Министерство Обороны США официально изменило название операции с “Global war on terror” на “Overseas Contingency Operation”. 23 мая 2013 года Б.Обама объявил, что Соединённые Штаты официально завершили войну с терроризмом.

Третья глава исследования посвящена описанию динамики конструирования трёх концептов дискурса противодействия терроризму: *democracy*, *world* и *terrorist*. В случае слова *democracy* определяющим фактором стала резко возросшая ценность соответствующего понятия в изучаемом дискурсе, особенно во время подготовки к военному вмешательству США в Ираке в 2003 году. Выбор слова *world* был обусловлен результатами, полученными с помощью специализированных инструментов корпусной лингвистики. Слово *terrorist* было отобрано для анализа исходя из общей тематики корпуса: в силу абстрактного характера феномена терроризма, дискурсивный актор/ субъект (террорист) представляет собой ту силу, против которой ведётся борьба.

Анализ ключевых для каждого временного среза слов, выявленных с помощью статистического теста на логарифмическое правдоподобие, показывает, что американский дискурс противодействия терроризму в период с 1972 по 2012 гг. претерпел существенные изменения.

Первый подкорпус, помимо борьбы идеологических систем, акцентирует направленность на диалог и противодействие терроризму правовыми способами. Во втором подкорпусе сохраняется и усиливается репрезентация терроризма и борьбы с ним в аспекте метафоры преступления. Мотивы и действия террористов описываются в этот временной период более подробно и чётко. Третий подкорпус демонстрирует сдвиг в метафорической составляющей дискурса: на первый

план выходит метафора «войны». При этом участие Америки в «войне» с терроризмом обосновывается идеалами и ценностями демократического общества. В то же время анализ ключевых слов указывает на появление религиозного и финансового факторов как определяющих в репрезентации террористической угрозы.

Democracy. Проведённый анализ подтвердил интуитивно ощущаемую важность демократии как одной из важнейших ценностей в дискурсе американских политиков, хотя в абсолютном выражении количество вхождений слова *democracy* и его дериватов в корпусе относительно невелико (всего 658 вхождений, или 0.0009% от объёма всего корпуса)

Анализ сочетаемости слова *democracy*, его производных, контекстуальных синонимов и антонимов продемонстрировал смысловую динамику, связанную с глобализацией и событиями 11 сентября 2001 года. Анализ контекстов употребления показал значительный сдвиг в сторону ценностной составляющей данного концепта после 2001 года: речь идёт о понимании демократии прежде всего как идеальной формы общественного устройства, а не страны с подобной формой государственного устройства: соотношение поменялось с 53% к 47% до 2001 года до 80,5% к 19,5% в 2009 – 2012 гг.). Результатом данного смыслового сдвига стало, в частности, характерное для настоящего времени оценочно значимое противопоставление демократии и терроризма как добра и зла в американской политической риторике. Помимо этого, девятикратное увеличение частотности глагола *democratize* и его производных после 2001 года свидетельствует о продвижении идеи о том, что демократия может быть установлена (привнесена) в «недемократические» общества в результате определённых целенаправленных действий.

Анализ именных, атрибутивных и глагольных словосочетаний с компонентом *democracy* позволил дать более глубокую смысловую характеристику рассматриваемого феномена. Речь идёт о расширении

географического контекста демократии: она перестаёт пониматься как феномен, связанный с западным миром и всё чаще соотносится с регионами Ближнего и Среднего Востока. В частности, в подкорпусе 2001 – 2009 выявлено 10 определений, не относящихся к западному миру, 7 из них актуализируют привязку демократии к региону Ближнего Востока (*Iraqi (4), Japanese (2), Lebanese (2), Middle Eastern, Brazilian*).

В период 1970-1990 гг. демократия позиционируется как сильная и самодостаточная; ярко выражена её связь с правами и свободами человека и верховенством закона (*rule of law; respect for human rights/ life; open society; freedom/ free society* и др.). После 2001 г. ключевой ассоциацией становится идея свободы (в 2001-2009 гг. она составляет до 50% всех контекстуальных синонимов слова *democracy*). В дискурсе противодействия терроризму последних двух десятилетий актуален её статус как высшей ценности, а также цели, к которой должно стремиться любое общество, и своего рода панацеи от терроризма. При этом акцентируется необходимость в помощи и поддержке демократии извне: глагольные словосочетания акцентируют внимание на необходимости развития и укрепления демократии (*to help D (10), to support D (6), to promote D (5), to strengthen D (3), to encourage D (2), to defend D (2), to secure D, to protect D*).

Наряду с этим после 2001 г. в структуре концепта появляются смысловые компоненты, отражающие связь демократии с экономической свободой и глобальной рыночной экономикой. Они интерпретируются как необходимая составляющая демократического общества.

Примечательной иллюстрацией дискурсивной динамики анализируемого концепта можно считать противопоставление демократии тоталитаризму и марксизму в 1972-2001 гг. В период же после 2001 г. демократия позиционируется как ценностная альтернатива терроризму, экстремизму, исламскому фундаментализму и религиозному фанатизму. Феномен демократии в этот период определяется через отличие от так

называемых «недемократических» режимов: среди антонимов появляются слова *tyranny, radicalism, Saddamism, despotism, authoritarianism*, а также *torture, control by tiny elite, secret police, repression, corruption* как составляющие элементы этих режимов. В подкорпусе 2009 - 2012 гг. демократия противопоставляется не только терроризму, но и экстремизму. При этом во многих контекстах понятия терроризма и экстремизма могут взаимозаменяться, что, в частности, связано с изменением номинативной стратегии борьбы с терроризмом при президенте Б.Обаме.

World. Выбор данного концепта для анализа основан на результатах первичного анализа сформированного в рамках исследования корпуса с помощью онлайн-инструмента *Texttexture* [<http://texttexture.com>], который позволяет визуализировать любой текст на предмет определения центральных концептов и таким образом лучше понять его нарративную структуру. Дискурсивная динамика рассматриваемого концепта выявлялась на уровне словосочетаний и предикативных групп с использованием результатов выборки KWIC (“keyword-in-context”) и выборки коллокаций по тесту MI (критерий взаимной информации).

Было выяснено, что в репрезентации мира наблюдается амбивалентность: он предстаёт как единый и монолитный в многочисленных предложных словосочетаниях типа *all over the world* и прочих (до 50% всех вхождений), однако при этом актуально (дискурсивно специфично) деление мира по религиозно-ценностному и экономическому признаку (*Third, developing, western, democratic, Moslem/ Muslim, Islamic*). Наиболее выпукло представлена оппозиция «мусульманского» мира «цивилизованному», западному миру.

Анализ 50 наиболее релевантных коллокаций, отобранных для каждого подкорпуса по критерию взаимной информации (MI) показал, что единственной религией, упоминаемой среди первых 50 слов любого подкорпуса, оказался ислам (*Muslim(s)/ Islamic*), а единственной упомянутой этнической номинацией – слово *Arab*. Наряду с этим, с 1970х

гг. непрерывно изменяется концептуализации мира от единства к разобщённости, от целостности к фрагментации.

Постепенно нарастает и остаётся актуальным на протяжении всего анализируемого периода позиционирование мира как нестабильного, изменчивого и находящегося в опасности (*interconnected, globalized, volatile, changing, revolutionary, various*). Соотношение положительно и негативно окрашенных ассоциаций варьирует по периодам, но при этом, как правило, положительные ассоциации всегда связаны с миром будущего – желаемым, идеальным миром: *peaceful, attractive, stable, safer*. Мотив внешней угрозы миру имплицитно путём отсылки к идее его уязвимости (*vulnerable*).

Семантический анализ словосочетаний с лексемой *world* показал, что наиболее очевидным параметром современного мира, особенно после 2001 г., становится признак глобализации (*interconnected, integrated, networked, globalized* и др.). Подчёркивается нестабильность мира и грозящая ему опасность (*disorderly, turbulent, complex* и др.).

Исследование выявило также изменение статусного позиционирования США по отношению к миру. Если в период 1972 – 1993 гг. США позиционировались как составная часть мира (*expel America from the world*), то в дальнейшем Соединённые Штаты преимущественно представлены как самостоятельный, самодостаточный, равностатусный остальному миру агент, взаимодействующий с ним на равных: *show the world ideals of America; what America is to the world; America needs the world just as the world needs America* и т.д. Идея американского лидерства в мире выражается, помимо прочего, также в словосочетаниях типа *America's+Adj._{superl.}+N: the best counter-insurgency force in the world; the finest strategic land force in the world* и т.д. Последний период ярко демонстрирует обособление в изучаемом дискурсе трёх агентов: мусульманский мир, США и весь остальной мир; при этом США

позиционируются как определяющая сила в борьбе с террористическими угрозами остальному миру.

Гипотезу о дискурсивной специфике концепта *world* подтверждают результаты тестов на взаимную информацию (MI) в корпусе дискурса противодействия терроризму и онлайн-корпусе *Corpus of Contemporary American English* (COCA). Первые 100 слов из обоих корпусов с максимальными показателями MI показали принципиальную разницу в представлении мира в двух корпусах. Мир в американском английском представляется в первую очередь конкурентным, что находит отражение в употреблении прилагательных в превосходной степени (или с компонентом в превосходной степени): *fastest, wealthiest, second-largest* и т.д. *World* в корпусе COCA также сочетается с многочисленными словами из сфер (поп-)культуры, спорта, экономики и технологий: *World Cup, championship(s), ranking(s), (World of) Warcraft, Disney, (world) premiere(s), economies, WTO, IMF, trade* и др. В то же время мир в дискурсе противодействия терроризму представляется (политически) динамичным, находящимся в постоянной опасности (*volatile, revolutionary, changed/ing, troubled, dangerous* и т.д.), а в контекстуальном окружении слова *world* чётко выделяется лексика военной тематики: *wars, bombed, battlefield, pentagon, plotted*. При этом оба корпуса активно отражают тематику глобализации (*interconnected, globalized*) и демонстрируют почти полное отсутствие лексем, обозначающих этничность или религиозную принадлежность (за исключением слова *Arab* и упоминаний ислама (*Muslim, Islamic* (COCA), *Muslim(s), Islamic* (дискурс противодействия терроризму))).

Terrorist. На последнем этапе исследования проводился анализ концепта *terrorist*. Интересно, что и русскоязычные, и англоязычные словари (в т.ч. политические и энциклопедические словари о терроризме), не дают отдельной словарной статьи, содержащей определение слова «террорист». Однако оно активно используется в словарных статьях,

посвящённых определению терроризма, и в других словарных статьях для названия конкретных лиц (групп лиц), либо – в англоязычных словарях – в атрибутивной функции (например, “terrorist groups”).

Рассмотрение динамики концепта *terrorist* на основе анализа словосочетаний с этим словами коллокатов, выявленных с помощью теста на взаимную информацию (MI), позволило выделить два ключевых смысловых контекста, релевантных для концептуализации террористов – метафору войны с терроризмом и акцентуацию (в том числе метафорическую) преступного характера терроризма: в лексическом окружении данного слова часто встречаются единицы типа *suspected, captured, jailed, incarcerated, drug, money-laundering* и др.. Несмотря на активно используемое в политическом дискурсе после 2001 года словосочетание *war on terrorism*, проведённый анализ показал, что метафора преступления также остаётся ключевой в репрезентации действий террористов и их характеристики. Если в подкорпусе 1972 – 2001 гг. метафора войны имела место в 12% случаев (или 94 из 751 словосочетаний), а мотив преступления акцентировался в 8% вхождений (или в 59 из 751 словосочетаний), то после 2001 г. ситуация изменилась. В период 2001 – 2012 гг. метафора войны была зафиксирована в 22% случаев (445 из 2021 словосочетаний), а метафора преступления была отмечена в 10% случаев (222 из 2021 словосочетаний).

Анализ также выявил постепенное смещение фокуса в аспекте национальной и политической принадлежности террористов. При рассмотрении словосочетаний типа *Adj/Part + terrorist* для всех подкорпусов отмечено, что прилагательные и причастия, характеризующие террористов по религиозному признаку, так или иначе связаны только с одной религией – исламом (*Islamic, Sunni, Islamist* и др.). При этом религиозный фактор не в полной мере коррелирует со странами происхождения и национальностями упомянутых террористов: более 50% национальностей и регионов, которые характеризуют террористов в

изучаемом дискурсе, традиционно не ассоциируются с исламом (*Colombian, Portuguese, Japanese, Western European* и т.д.). С точки зрения диахронии, если в первом подкорпусе террористы относились к разным регионам и нациям (*Middle East/ern, Italian, North Korean, Portuguese, Turkish, Palestinian, Lebanese, Columbian*), то затем фокус сместился в сторону ближневосточного региона. В 1990х гг. внимание чаще всего акцентируется на палестино-израильском конфликте. После 2001 г. географический фактор вытесняется религиозным с сильной привязкой к (мусульманскому) Ближнему Востоку: *Hamas, Al-Qaeda-inspired, al-Islamiyah, Islamic, Sunni, Islamist*.

Проведённый анализ показал, что мотивация террористов также претерпевает значительные дискурсивные изменения: в 1970х-1980х гг. рефлексия вокруг данного феномена была сосредоточена на выяснении идеи законности / незаконности совершаемых действий; при этом большая часть совершаемых террористических актов была способом проявления несогласия или способом ведения политической борьбы. С начала 1990х гг. в структуре ассоциируемых с террористами понятий появляется мотив приверженности определённой идеологии (*fanatic, crazed, radical*), а после 2001 г. их действия объясняются в первую очередь религиозным фанатизмом (*Hamas, Al-Qaeda-inspired, al-Islamiyah, Islamic, Sunni, Islamist, fundamentalist*), подчёркивается глобальный характер террористической угрозы (*international, global*) и жестокость террористов (*violent, worst, experienced, hardened, committed*). Интересно, что после 2009 года в анализируемом текстовом массиве упоминается всего одна террористическая группа (*Al-Qaeda, Al-Qaeda-inspired*), что свидетельствует о существенном сужении фокуса антитеррористической деятельности.

В целом для анализируемого дискурса характерна деперсонафикация террористов, представление их как враждебной организованной массы людей, совершающих насильственные действия.

Сравнение словосочетаний типа *Adj/Part + Terrorist* в специально составленном в рамках работы корпусе и корпусе словарных статей из англоязычных энциклопедических словарей, посвященных терроризму, выявило некоторые различия в дискурсивной репрезентации концепта *terrorist*. К наиболее важным отличиям можно отнести обезличенное и гендерно-нейтральное представление террористов в дискурсе противодействия терроризму, тогда как в словарно-энциклопедическом дискурсе концепт террориста имеет выраженную гендерную и в целом более персонализированную репрезентацию (*older, young, ruthless* и др.). Террорист в политической риторике, как правило, метагендерная фигура (либо по умолчанию лицо мужского пола), в то время как в словарном корпусе было зафиксировано 10 словосочетаний, относящихся к женщинам-террористкам (*girl, woman, women, female*).

В целом для словарно-энциклопедического корпуса характерна более детализированная репрезентация террористов и их действий: глубже и чётче раскрываются мотивы террористов (не только религиозного, но и политического характера: *revolutionary, anti-abortion, anarchist, right-wing, left-wing, politically-motivated, anti-government, anti-colonial* др.), шире представлен ареал их деятельности, аффилиация и методы террористической борьбы (*suicide terrorism, crimes, chemical/ urban/ nuclear/ information terrorism*). Следует отметить, что религиозная и географическая «привязка» террористов в энциклопедических статьях гораздо шире, чем только мусульманский ближневосточный регион. Очевидно, что политическая ангажированность антитеррористической риторики американского истеблишмента существенно сужает референциальную базу анализируемого понятия.

К общим чертам сопоставляемых корпусов относится то, что тема противодействия террористам (*wanted, suspected, captured* и т.д.) является самой многочисленной по количеству вхождений. Сходным также является то, что в обоих корпусах ислам упоминается как единственная

религия, которую исповедуют террористы (*Islamic, Muslim, shi'ite* и др.), при этом ни в том, ни в другом корпусе религиозная принадлежность не относится к числу самых распространённых характеристик террористов.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что дискурс противодействия терроризму представляет собой динамичный продукт, конструируемый в различных типах текстов с учётом определённых политических и идеологических интересов. Перспективным направлением продолжения исследования может стать анализ семантических приращений концептов *terrorism / terrorist* в мире глобальных медиа-коммуникаций.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1) Шутова Т.И. «Глобализация как дискурсивный конструкт (на материале научных журналов)»// Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Ч. 1. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание. – М., ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – Вып. 5 (638). – С. 108 – 114. (Соавт. Е.С.Гриценко)

2) Шутова Т.И. Конструирование демократии в американском дискурсе противодействия терроризму (1972–2012) // Вестник Нижегородского Государственного Лингвистического Университета им.Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2015. – Вып. 32. – С. 51-60.

3) Шутова Т.И. Концептуализация мира в американском дискурсе противодействия терроризму (1972–2012): опыт корпусно ориентированного дискурс-анализа // Политическая лингвистика, вып. 3 (57). – Екатеринбург, 2016. – С. 90–97

3) Шутова Т.И. Дискурс «войны с террором» как один из дискурсов глобализации // XVI Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. 24-27 октября 2011 г. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2012. – С. 139-142.

5) Шутова Т.И. Дискурс глобализации и глобальные дискурсы // Исследования молодых ученых: сборник статей аспирантов. – Минск: МГЛУ, 2012. – С. 101 – 107.

б) Шутова Т.И. Лингвистические средства реконтекстуализации глобального дискурса войны с терроризмом // Язык и глобализация. Доклады и сообщения Международной научно-теоретической конференции «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (17-18 мая 2013 г.) – Алматы: Казак университеті, 2013. – С. 110-112

Шутова Татьяна Игоревна
**ДИСКУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ
В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ
(1972 – 2012гг.)**

Автореферат

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000

Подписано в печать 19.09.2018

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 1,5

Заказ

Тираж 100 экз.

Цена бесплатно

Типография ФГБОУ ВО «НГЛУ»

603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а